

Стетюха Марина Петровна

**ПОНЯТИЕ ПОЛОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ НАУКЕ
СЕРЕДИНЫ XIX - НАЧАЛА XX В.**

В статье затрагивается вопрос о понятии половых преступлений в дореволюционной уголовно-правовой мысли России середины XIX - начала XX столетия. В этой связи изучаются работы дореволюционных ученых-юристов, где исследуются половые преступления, дается их классификация. Автор акцентирует внимание на несоответствии законодательной и научной классификаций преступлений в части половых посягательств, констатирует широту взглядов дореволюционных ученых-юристов на половые преступления, их характеристику как многообъектных преступлений в сфере половой жизни.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/12-1/47.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 12 (50): в 3-х ч. Ч. I. С. 175-180. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

7. **Смирнов Д.** Изучение политической системы и правового строительства в КНР: подходы и оценки в трудах российских исследователей в 1990-е годы // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 6. С. 76-88.
8. **Смирнов Д.** Особенности трансформации идейно-политической основы модернизации КНР в условиях перехода к рыночной экономике // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 5. С. 18-29.
9. **Титаренко М. Л.** О феномене китайского социализма (размышления по поводу дискуссий о китайском социализме и итогов XVIII съезда КПК) // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 2. С. 3-25.
10. **XVII съезд КПК: смысл и последствия:** круглый стол редакции журнала «Мировая экономика и международные отношения» // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 5. С. 103-111.

SOCIAL-POLITICAL SYSTEM OF THE PRC IN THE RUSSIAN SINOLOGISTS' EVALUATION

Soskovets Lyubov' Ivanovna, Doctor in History, Associate Professor
National Research Tomsk Polytechnic University
ivitca56@mail.ru

The article analyzes the main directions of studying modernizing China and highlights the subjects of the greatest interest for the Russian researchers. It summarizes the concepts and evaluations of the Chinese social system established in the years of the modernization and reform of China put forward by the Russian sinologists in the 1990-2000s. Various approaches to the understanding of "socialism with the Chinese characteristics" and the role of the Communist Party of China, as well as to prospects for the political reform and democratization of the Chinese society existing in the Russian sinology are represented in the article.

Key words and phrases: modernization; the PRC; social system; the Russian sinologists; socialism with the Chinese characteristics; the Communist Party of China; democratization; political reform.

УДК 343.3/7

Юридические науки

В статье затрагивается вопрос о понятии половых преступлений в дореволюционной уголовно-правовой мысли России середины XIX – начала XX столетия. В этой связи изучаются работы дореволюционных ученых-юристов, где исследуются половые преступления, дается их классификация. Автор акцентирует внимание на несоответствии законодательной и научной классификаций преступлений в части половых посягательств, констатирует широту взглядов дореволюционных ученых-юристов на половые преступления, их характеристику как многообъектных преступлений в сфере половой жизни.

Ключевые слова и фразы: дореволюционное уголовное право; преступления; половые преступления; плотские преступления; брачные половые посягательства; внебрачные половые посягательства; законодательная и научная классификации преступлений.

Стетюха Марина Петровна, к.ю.н.
Южный федеральный университет
stetyukha_mr@mail.ru

ПОНЯТИЕ ПОЛОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ НАУКЕ СЕРЕДИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В. ©

Понятие половых преступлений имеет межотраслевое значение. Оно используется не только в юридических науках, в частности, науках уголовно-правового цикла, но и в таких отраслях знаний, как история, социология, психология, сексология и других. Не принижая роль иных отраслей знаний, признаем, что определение того, что является преступлением, а что таковым не является, в конечном счете, задает уголовный закон, а вместе с ним и уголовно-правовая наука. Этим и обусловлено обращение к вопросу о понятии половых преступлений в науке уголовного права России.

В уголовно-правовой науке вопрос о понятии половых преступных посягательств относится к числу дискуссионных. Современные исследователи неодинаково трактуют его с точки зрения содержания и объема [1, с. 122-123; 4, с. 20-23; 6, с. 83-84]. Нередко понятие половых преступлений не выводят за рамки преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности, ответственность за совершение которых предусматривается в гл. 18 УК РФ [9, с. 25]. Данный аспект, с которым вряд ли можно согласиться, привлекает к себе внимание, мотивирует на научный поиск ответов на вопросы: «что представляют собой половые преступления?», «какие преступления относятся к половым?» и т.д.

Научный поиск можно осуществлять с помощью разных методов исследования. Но полное и всестороннее познание требует не только изучения современного состояния объекта, но и истории его развития. Всестороннее исследование истории понятия половых преступлений, в конечном счете, способно открыть завесу «тайны» столь неоднозначного подхода к определению известного понятия на всем протяжении развития уголовно-правовой науки. В том числе нельзя не учитывать, что состояние последней во многом обуславливается

культурой общества (в том числе, сексуальной культурой) в конкретно-исторический период развития, преломляющейся в сознании и находящей свое непосредственное отражение во взглядах ученых-юристов (в том числе на половые посягательства).

Понятие «половые преступления» не использовалось (и, соответственно, не раскрывалось) ни в одном нормативно-правовом акте в истории России и на современном этапе развития, что позволяет охарактеризовать его как научную категорию. Как и иные научные категории, исследуемая в настоящей работе прошла определенный путь развития, на который значительное влияние оказала эволюция науки уголовного права.

В развитии науки уголовного права выделяют несколько этапов. Согласно одной из предложенных периодизаций, следует выделить четыре этапа развития уголовно-правовой мысли в России. Первый этап характеризуется зарождением научного подхода и концепций в области уголовного права в России (до начала XIX в.); второй этап – становление и формирование научной мысли (с начала XIX в. до 1917 г.); третий этап – становление и развитие социалистической и постсоциалистической науки уголовного права (1917-1996 гг.); четвертый этап – генезис современных научных концепций в области уголовного права (с 1996 г. по настоящее время) [8, с. 132].

Если переходить к вопросу об эволюции понятия «половые преступления», начать следует со второго этапа развития уголовно-правовой мысли. Именно в этот период (конец XIX – начало XX столетия) происходит осмысление действующего уголовного законодательства об ответственности за половые преступления и истории его развития.

В исследовании истории вопроса о половых преступлениях (как с точки зрения широты, так и глубины) сложно обозначить или установить границы. Потому следует оговорить те аспекты, которые в большей степени интересуют меня в исследовании понятия половых преступлений в дореволюционной уголовно-правовой мысли России. Интерес представляют вопросы, во-первых, какой признак был положен в основу обособления группы половых преступлений в уголовно-правовой науке; во-вторых, какие преступления дореволюционные ученые-юристы относили к половым посягательствам. В-третьих, как половые преступления (научная классификация) соотносились с системой уголовного законодательства дореволюционного периода (законодательная классификация).

В конце XIX – начале XX века предметом тщательного уголовно-правового анализа были нормы двух нормативно-правовых актов: Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., которое действовало в нескольких редакциях – 1857 г., 1866 г., 1885 г. (далее – Уложение о наказаниях) и Уголовного уложения 1903 г., которое в полном объеме так и не вступило в действие (далее – Уголовное уложение).

Не во всех дореволюционных трудах по уголовному праву, с которыми удалось ознакомиться, авторы затрагивали вопрос о понятии соответствующих преступлений. Нередко ученые либо описывали историю половых посягательств, либо ограничивались комментированием действующего уголовного законодательства [3; 7; 15].

Вместе с тем в некоторых работах дореволюционных ученых-юристов теоретический анализ половых преступлений проводился, в частности, в работах Л. С. Белогриц-Котляревского, В. Д. Набокова, Н. А. Неклюдова, Н. Н. Розина, И. Я. Фойницкого.

Одним из первых ученых-юристов, использующих понятие «половые преступления» для обозначения преступлений особого рода, был дореволюционный научный деятель Л. С. Белогриц-Котляревский. В своей работе «Очерки курса русского уголовного права. Общая и Особенная части. Лекции» он провел не только исторический анализ развития уголовного законодательства дореволюционной России об ответственности за половые преступления, но и охарактеризовал их с точки зрения действующего на тот период времени Уложения о наказаниях.

Л. С. Белогриц-Котляревский на основе норм Уложения о наказаниях известную группу посягательств разделил на две большие группы: а) брачные половые посягательства; б) внебрачные половые посягательства. «В виду того, – писал ученый, – что половые посягательства могут быть рассмотрены или как нарушения конкретного брака, или как нарушения его принципа или идеи, их можно разделить на две категории: брачные и внебрачные посягательства» [2, с. 525].

Брачными половыми посягательствами были названы прелюбодеяние, многобрачие и вступление в брак с нарушением условий, закрепленных в законе. К числу последних отнесены принудительный брак, обманный брак, брак в недозволенном возрасте; брак в четвертый раз, брак с иноверцем, брак без дозволения начальства, родителей и опекунов, брак духовных лиц, которым запрещено вступать в брачные отношения и др. [Там же, с. 525-542].

К *внебрачным половым посягательствам* Л. С. Белогриц-Котляревский отнес посягательства на целомудрие. Главным отличием их от первой группы преступлений явилось то, что здесь не требовалось нахождение хотя бы одного из виновных лиц в браке. К таким половым преступлениям отнесены простое любодеяние и блуд (в узком смысле), под которым понималось добровольное естественное совокупление мужчины и женщины, не находящихся между собой в близких степенях родства или свойства [Там же, с. 542].

Далее к внебрачным половым преступлениям отнесено «несоблюдение лицами, занимающимися непотребством, как ремеслом, правил, относящихся к его предупреждению или к пресечению вредных от него последствий». Это – нарушение медицинских и полицейских правил, устанавливаемых в интересах общественного здоровья и нравственности (занятие проституцией без разрешения полиции, допущение к занятию проституции женщин, зараженных венерической болезнью и др.).

В группу внебрачных половых посягательств также включено «публичное бесстыдство» (публичное или соединенное с соблазном для других простое любодеяние); конкубинат (длительное сожитие мужчины с женщиной, не состоящих в браке); обольщение; растление; изнасилование; кровосмешение; любострастие (мужеложство и скотоложство); сводничество [Там же, с. 542-562].

Такой широкий взгляд на половые преступления обосновывался ученым их тесной связью с половой нравственностью, центральное место в которой занимало целомудрие (половое воздержание). Целомудрие понималось Л. С. Белогриц-Котляревским не только как благо личности, но и как благо общественное. «Как благо частное, – писал ученый, – целомудрие предполагает свободу личности от посягательств на ее половую сферу, нарушающих или ее идеальную сторону – стыдливость, или ее материальную сторону – телесную неприкосновенность» [Там же, с. 524].

Как общественное благо целомудрие предполагало «только брачные половые отношения; брак в принципе представляется единственно нормальным видом половых отношений и притом в его моногамической форме» [Там же]. Нарушение принципа моногамного брака объявлялось не только грехом, но и преступлением против существующего уже брака или самого принципа брака [Там же, с. 525].

Половые преступления были предметом обсуждения других дореволюционных ученых-юристов, хотя, в отличие от Л. С. Белогриц-Котляревского, им было дано иное название. Так, например, встречаются такие обозначения исследуемой группы преступлений, как «любодеяния» [13, с. 360], «плотские преступления» [11, с. 5], «посягательства на целомудрие» [18, с. 131], и др.

Известный дореволюционный ученый-юрист Н. А. Неклюдов полагал, что половые (плотские) преступления лучше именовать «любодеяния», т.е. «посягательства, заключающиеся в удовлетворении половой похоти».

К половым преступлениям он относил *простое любодеяние* (непотребство и сводничество, конкубинат, прелюбодеяние, обольщение, плотское развращение несовершеннолетних); *насильственное любодеяние* (растление и изнасилование). Также к половым посягательствам отнесен *противоестественный блуд* (кровосмешение, мужеложство, скотоложство) [13, с. 360-361].

Детальный теоретический анализ половых преступлений провел дореволюционный ученый-юрист В. Д. Набоков, который именовал их плотскими преступлениями. В частности, такой анализ проведен автором в научной статье «Плотские преступления по проекту уголовного уложения», которая была напечатана в журнале «Вестник права» (ноябрь-декабрь, 1902 г.), и в «Элементарном учебнике особенной части русского уголовного права» (1903 г.) [11; 12].

Обозначение им данной группы посягательств как «плотские преступления» было связано с ориентацией на западноевропейские традиции. Термин «плотские преступления» утвердился в средневековье под влиянием церкви, когда плоть рассматривалась как греховное начало. В указанном названии известной группы преступлений греховность сливалась с противоправностью [10, с. 13].

В статье «Плотские преступления по проекту уголовного уложения» В. Д. Набоков дает анализ системы плотских преступлений по Уложению о наказаниях и Уголовному уложению, отмечая как их достоинства, так и недостатки.

К плотским преступлениям В. Д. Набоков, в частности, отнес так называемое «непотребство», занявшее в системе Уголовного уложения самостоятельное место (глава 27 «О непотребстве» – ст. 513-529). Понятие непотребство включало в себя ряд преступлений. Первую группу составили любострастные действия, т.е. «противоестественное» удовлетворение и возбуждение половой похоти, включая мужеложство как вид любострастных действий. Во вторую группу были включены наказуемое естественное совокупление в виде обольщения, совокупление с родственником или свойственником (кровосмешение), добровольный блуд, изнасилование. Третью группу составили «деяния примыкающие» – сводничество, потворство разврату несовершеннолетнего, склонение лица женского пола к разврату, сутенерство, вербовка проституток, неисполнение правил для предупреждения непотребства и пресечения его последствий, принятие в притон разврата лица женского пола, заведомо моложе двадцати одного года; удержание в таком притоне проститутки, изъяснившей желание оставить свой промысел [11, с. 90].

Приступая к анализу указанной совокупности преступлений, которые законодатель обозначил как «непотребство», В. Д. Набоков пишет: «Став на принципиальную точку зрения, положенную в основание системы проекта, мы не будем в состоянии отыскать то единое правовое благо, которое нарушается непотребством. Ибо таких благ несколько» [Там же]. В числе благ, которые нарушаются плотским преступлением, называются, во-первых, *целомудрие* (нравственная нетронутость, чистота в половом отношении). Это благо охранялось законом независимо от воли его носителя. Далее – *половая неприкосновенность* (свобода), т.е. «право каждого лица по собственному усмотрению служить или не служить предметом удовлетворения чужой похоти»; затем – *чистота семейных отношений* в случае кровосмешения. Эта чистота охранялась не в интересах личных, а в интересах общества; наконец, еще одним благом, охраняемым уголовно-правовыми нормами о непотребстве, была названа *общественная нравственность* [Там же].

Констатируя, что плотские преступления посягают на множество правовых благ в области половой сферы жизни, В. Д. Набоков назвал объединение их под наименованием «непотребство» произвольным, по существу, неправильным [Там же]. Если под «непотребством» законодатель имел в виду любое противозаконное удовлетворение «половой похоти», то почему, спрашивает В. Д. Набоков, он не включил сюда прелюбодеяние, которое было отнесено законодателем к преступлениям «против прав семейственных» [Там же, с. 110].

Равным образом, вызвало непонимание ученого то, что похищение женщины для непотребства или для вступления в брак без согласия было отнесено законодателем к преступлениям против личной свободы (ст. 505 глава XVI). При том, что цель похищения указана самим законодателем.

В этом смысле, по мнению ученого, при всем несовершенстве системы половых преступлений в Уложении о наказаниях, оно выглядело более логичным. Интересно то, что эту логичность В. Д. Набоков видел не в обособлении плотских преступлений в системе Уложения о наказаниях. В указанном нормативно-правовом акте уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за половые посягательства, были разбросаны по нескольким разделам, а в рамках одного раздела – по нескольким главам [17, с. 441-446, 589-597, 614-615, 619-623].

Оценка В. Д. Набоковым подхода законодателя к половым преступлениям (в плане логичности-нелогичности) в Уголовном уложении и Уложении о наказаниях позволяет говорить о том, что он не привязывал понятие половых (плотских) преступлений к законодательной классификации преступных посягательств.

Развернутую классификацию плотских преступлений В. Д. Набоков проводит в элементарном учебнике особенной части русского уголовного права [12]. По мнению ученого, плотскими преступлениями следует считать те, которые посягают на целомудрие, половую неприкосновенность и половую честь, а также прилегающие деяния, которые своим объектом имеют общественную нравственность.

К *посягательствам на целомудрие* В. Д. Набоковым отнесены следующие преступления: похищение несовершеннолетней с ее согласия, но с использованием ее невинности, для непотребства; любоострастное действие с ребенком, не достигшим 14 лет, или с несовершеннолетним от 14 до 16 лет с согласия последнего, но с использованием его невинности; добровольное мужеложство; естественное совокупление с несовершеннолетней от 14 до 16 лет с ее согласия, но с использованием ее невинности; совокупление с ребенком, не достигшим 14 лет.

К *посягательствам на половую неприкосновенность* отнесены похищение для непотребства лица женского пола без его согласия; недобровольные любоострастные действия, в том числе мужеложство; обольщение девицы, находящейся под властью или попечением виновного; совокупление с несовершеннолетней с использованием ее беспомощного положения; совокупление без согласия потерпевшей, совокупление насильственное (изнасилование).

К *посягательствам на половую (женскую) честь* отнесено похищение незамужней женщины, достигшей 16 лет, для вступления в брак, без ее согласия.

Помимо указанных посягательств В. Д. Набоков выделил так называемые «*деяния прилегающие*» к плотским преступлениям. К ним он отнес посягательства, направленные как против целомудрия, так и против половой неприкосновенности. Эти преступления охарактеризованы В. Д. Набоковым как «поощрение разврата», наказуемое как в интересах частных лиц, так и в интересах общественной нравственности [Там же, с. 88]. К плотским преступлениям эти деяния отнесены ввиду охвата ими половой сферы человека.

К *деяниям, прилегающим к плотским преступлениям*, отнесены следующие преступления: сводничество; поощрение разврата несовершеннолетнего; наказуемое содействие проституции (склонение к проституции посредством насилия; сутенерство; вербовка лиц женского пола к проституции и др.) [Там же, с. 91-92].

Как видно, в указанной системе не нашлось места таким преступлениям как прелюбодеяние, кровосмешение, скотоложство. Однако можно предположить, что В. Д. Набоков относил их к плотским преступлениям, ссылаясь на их связь с половой сферой жизни человека [Там же, с. 87-88, 90]. По крайней мере, такой вывод следует из контекстных рассуждений ученого о плотских преступлениях в проанализированных работах.

Некоторое внимание половым преступлениям уделил дореволюционный ученый-юрист И. Я. Фойницкий в работе «Уголовное право. Посягательства личные и имущественные» (1907 г.), назвав их «посягательствами на целомудрие». Целомудрие, отмечал ученый, может быть рассмотрено или «как одно из частных благ личности, или как одно из условий общежития». В первом случае речь идет о посягательствах в виде оскорблений женской чести (хотя ученый не отрицал их совершение в отношении лиц мужского пола). Во втором случае, если рассматривать целомудрие как условие общежития, посягательства на него есть посягательства на один из устоев общественной нравственности вообще [18, с. 131].

К посягательствам на половую сферу личности И. Я. Фойницкий относил, во-первых, преступления, которые в Уголовном уложении носили название «непотребство»; во-вторых, некоторые посягательства из числа преступлений «против прав семейственных» [Там же].

Руководствуясь положениями Уголовного уложения, к непотребству И. Я. Фойницкий отнес: 1) любоострастное действие; 2) любодеяние, в том числе кровосмешение; 3) сводничество, потворство несовершеннолетнему к непотребству, наказуемое склонение женщин к непотребству, сутенерство; 4) наказуемые нарушения правил о домах терпимости. К «посягательствам на целомудрие» из числа преступлений против прав семейственных И. Я. Фойницкий относил прелюбодеяние и конкубинат [Там же, с. 131-156].

Несмотря на распространение широкого взгляда на половые преступления, в дореволюционной уголовно-правовой литературе можно встретить попытку отделить половые преступления от преступлений «против прав семейственных» [5; 15] и преступлений против нравственности [14], тем самым сузив объем понятия «половые преступления». Отделение половых посягательств от преступлений «против прав семейственных» было обнаружено у историков права, однако в соответствующих работах не удалось найти обоснование и однозначные отличия указанных преступлений. Второй же вариант, нашедший отражение в «Конспекте лекций по уголовному праву» Н. Н. Розина (1904 г.), в некоторой степени растолковывается [Там же]. Однако рассуждения ученого позволили сделать вывод о том, что грань между половыми преступлениями и преступлениями против нравственности имеет неотчетливый характер.

Выделяя собственно половые преступления и преступления против нравственности, Н. Н. Розин лишь отчасти не разделяет широкий взгляд на половые посягательства. Более того, им обосновывается факт объединения в одну группу половых преступных деяний, посягающих на блага частные и общественные. «Наряду со свободой и честью частных лиц, – пишет автор «Конспекта лекций по уголовному праву», – законодатель ограждает их нравственное чувство, запрещая все, что противоречит этому чувству, выражается ли это в посягательстве на половую неприкосновенность или в посягательстве на чувство пристойности и стыда. Так как блага эти во многих случаях настолько важны в общественном смысле, что нуждаются в охране <...>, то закон соответственно расширяет область относящихся сюда деяний» [Там же, с. 625-626].

Н. Н. Розин исходит из того, что половые преступления являются посягательствами на публичные и частные права (интересы). «Специфически, – писал он, – половые преступления предусматриваются нашим действующим правом (*имеется в виду Уложение о наказаниях – М. С.*) – отчасти в отделах о посягательствах на права публичные, отчасти среди посягательств на блага частных лиц» [Там же, с. 626].

Таким образом, все половые преступления разделены на две группы: а) половые преступления, имеющие своим объектом права (интересы) публичные; б) половые преступления, посягающие на частные блага.

К *преступным половым посягательствам, признанным таковыми в интересах общества*, относится ряд разнообразных по своему характеру деяний, которые характеризуются либо нарушением общественной нравственности и ограждающих ее постановлений, либо нарушением «прав семейственных».

К *преступлениям против нравственности* Н. Н. Розин относил благоприятствование лицами, имеющими надзор за малолетними или несовершеннолетними, склонности последних к непотребству или другим порокам, или побуждение их к этому внушениями или обольщениями; противоестественные пороки: мужеложство и скотоложство, содомия; сводничество и иное содействие любодеянию.

К *половым преступлениям, нарушающим «права семейственные»*, отнесены похищение замужних женщин; нарушение обязанностей супружества в виде прелюбодеяния; преступление против союза родственного в виде кровосмешения.

Что касается *половых преступлений против частных лиц*, Н. Н. Розин назвал таковыми изнасилование; растление; похищение лица женского пола с целью изнасилования; обольщение [Там же, с. 625-633].

Помимо указанных «специфически половых преступлений» Н. Н. Розин акцентирует внимание на деяниях, «оскорбляющих чувство пристойности или стыда», т.е. собственно преступлениях, посягающих на общественную нравственность. К таковым он отнес, прежде всего, публичное совершение действий сексуального характера («половое бесстыдство»). Это преступление, отмечает Н. Н. Розин, наказуемо только «при условии их публичности, т.е. как посягательство на общественную нравственность» [Там же, с. 638-639]. Если же совершены интимно, они утрачивают характер преступления. К преступлениям, посягающим на общественную нравственность, Н. Н. Розин считал возможным отнести изготовление и распространение порнографических изображений как проявлений публичного бесстыдства через средства печати [Там же].

Анализ приведенных точек зрения на половые преступления в уголовном праве России в дореволюционный период (конец XIX – начало XX столетия) позволяет сделать некоторые обобщающие выводы.

Во-первых, на начальном этапе эволюции понятия половых преступлений в уголовном праве отсутствовало как четкое определение данной группы преступлений, так и единый подход к их наименованию. Внимание уделялось не столько содержанию понятия половых преступлений, сколько объему указанного понятия, то есть ученые стремились перечислить и дать уголовно-правовую характеристику тем преступным посягательствам, которые они относили к половым.

Во-вторых, несмотря на то, что и в Уложении о наказаниях, и в Уголовном уложении половые преступления содержались в разных структурных частях указанных законов, в науке дореволюционного уголовного права соответствующие преступления выделялись в отдельную, специфическую группу посягательств. Игнорируя признак классификации преступлений в уголовных законах (а таковым считался объект преступного посягательства), ученые для обособления половых преступлений руководствовались иными признаками. Таковыми могли выступать идеальная сторона половых отношений (принцип, идея брака, целомудрие как личная и общественная ценность); материальная (внешняя, объективная) сторона половой жизни (противозаконные действия, направленные на удовлетворение половой похоти) и т.д.

В-третьих, несмотря на то, что мнения ученых различались в части объема понятия «половые преступления», они характеризовались как посягательства на несколько объектов уголовно-правовой охраны, охватывающие частные и общественные интересы (блага). В то же время половые преступления мыслились в рамках сферы половой жизни. То есть этот признак (половая сфера жизни) являлся объединяющим все половые преступления.

В-четвертых, под половыми преступлениями в дореволюционной уголовно-правовой науке понимались посягательства в половой сфере жизни, имеющие своим объектом а) целомудрие; б) половую неприкосновенность; в) семейные отношения; г) общественную нравственность. Такой подход к половым посягательствам объясняет широту взгляда ученых-юристов на половые преступления.

Список литературы

1. **Агафонов А. В.** Половые преступления. М.: Юрлитинформ, 2009. 376 с.
2. **Белогриц-Котляревский Л. С.** Очерки курса русского уголовного права. Общая и Особенная части. Лекции. Киев – Харьков: Южно-русское книгоиздательство Ф. А. Югансона, б.г. 681 с.
3. **Будзинский С.** Уложение о наказаниях с комментарием, в применении к Варшавскому судебному округу. Варшава: Типография К. Ковалевского, 1892. 485 с.
4. **Гнилицкая Д. А.** К вопросу о видовом объекте преступлений, предусмотренных главой восемнадцатой Уголовного кодекса России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2010. № 2 (6). С. 20-23.
5. **Грибовский В. М.** Древнерусское право. Петроград: Типография «Двигатель», 1915. Вып. 1. Древнейший земско-княжеский период. 136 с.
6. **Дьяченко А. П.** Уголовно-правовая охрана граждан от преступлений в сфере сексуальных отношений: дисс. ... д.ю.н. М., 1993. 344 с.
7. **Евангулов Г. Г.** Уголовное уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. СПб.: Издание юридического книжного склада «Право»; Типография СПб. акционерного общества «Слово», 1903. 398 с.

8. **Епифанова Е. В.** Преступление как правовая категория в науке и законодательстве России: история развития и особенности современного состояния: монография / под науч. ред. д.ю.н., проф. В. В. Момотова. М.: Юрлитинформ, 2013. 400 с.
9. **Конева М. А.** Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы, совершаемые лицами с гомосексуальной направленностью: автореф. дисс. ... д.ю.н. Волгоград, 2002. 43 с.
10. **Люблинский П. И.** Преступления в области половых отношений. М. – Л.: Изд. Л. Д. Френкель, 1925. 246 с.
11. **Набоков В. Д.** Сборник статей по уголовному праву. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1904. 318 с.
12. **Набоков В. Д.** Элементарный учебник особенной части русского уголовного права. СПб.: Сенатская типография, 1903. Вып. 1. Кн. 1. 102 с.
13. **Неклюдов Н. А.** Руководство к Особенной части русского уголовного права: в 2-х т. СПб.: Типография П. П. Меркулева, 1876. Т. 1. Преступления и проступки против личности. 552 с.
14. **Розин Н. Н.** Конспект лекций по уголовному праву. Б.м., 1904. 804 с.
15. **Сергеевич В. И.** Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1910. 674 с.
16. **Таганцев Н. С.** Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. Петроград: Государственная типография, 1915. 1287 с.
17. **Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 г.** / сост. Н. С. Таганцев. Изд-е 4-е, дополненное. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1882. 758 с.
18. **Фойницкий И. Я.** Уголовное право. Посягательства личные и имущественные / под ред., с предисл. А. А. Жижиленко. Изд-е 7-е, дополненное и пересмотренное. Петроград: Юрид. общество при Петрогр. ун-те, 1916. 443 с.

NOTION OF SEXUAL CRIMES IN DOMESTIC CRIMINAL-LEGAL SCIENCE OF THE MIDDLE OF THE XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Stetyukha Marina Petrovna, Ph. D. in Law
Southern Federal University
stetyukha_mp@mail.ru

The article touches upon the issue of the notion of sexual crimes in the pre-revolutionary criminal-legal thought of Russia in the middle of the XIX – at the beginning of the XX century. In this regard, the works of pre-revolutionary legal scholars, which research sexual crimes, are studied, and their classification is given. The author pays attention to the non-compliance of the legislative and scientific classifications of crimes relating to sexual assault, and ascertains the open-mindedness of pre-revolutionary legal scholars' views on sexual crimes, their characteristic as multi-object crimes in the sphere of sexual life.

Key words and phrases: pre-revolutionary criminal law; crimes; sexual crimes; carnal offences; marital sexual assault; extramarital sexual assault; legislative and scientific classifications of crimes.

УДК 303.01

Политология

Статья раскрывает историко-культурные и религиозно-метафизические корни политической доктрины правого экстремизма. Основное внимание автор акцентирует на необходимости определения аутентичной правой политической идеологии и практики, дифференциации правоконсервативной и правоэкстремистской политических позиций. Рассматриваются религиозно-метафизические модели, лежащие в основе идеологий правоконсерватизма и правоэкстремизма. Анализируются сущностные признаки и социально-исторические аспекты, формулируется определение идеологии и практики правого экстремизма как «конструктивного человеконенавистничества».

Ключевые слова и фразы: правый экстремизм; политическая доктрина; правоконсерватизм; монархизм; религиозно-метафизическая модель; конструктивное человеконенавистничество.

Суслонов Павел Евгеньевич, к. филос. н., доцент
Уральский юридический институт Министерства внутренних дел России
dr.suslonow2010@yandex.ru

ПРАВЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ: ОПЫТ ДОКТРИНАЛЬНОГО АНАЛИЗА[©]

Тема правоэкстремистской политической доктрины, на наш взгляд, гораздо менее изучена, чем политическое экстремистское «левое поле». Это вполне объяснимо, так как, во-первых, в прошлое столетие в России политически была актуальна левая идеология в ее законченном тоталитарном варианте, во-вторых, в отечественном массовом сознании существуют множество комплексов и стереотипов, связанных с политическим «правым»: начиная от присвоения данного наименования тем, кто правым не является, до отождествления всего «правого» с деструктивным началом в лице «фашизма» и «нацизма». Наша задача – непредвзято проанализировать феномен правой идеологии на предмет ее возможности генерировать экстремистские практики. Для этого мы должны исследовать не только сферу актуальной политики, но и обратиться к историко-культурным и метафизическим корням политических доктрин и идеологий.